

К ПУШКИНСКИМ ДНЯМ В МОЛДОВЕ

Советская Молдова - Кишинев - 1991 - Бюджет

... Но верного поэта друзьям напоминай

БОЛЕЕ девятисот дней прожил молодой Пушкин в Бессарабии. Естественно, они вобрали в себя самые разные мгновения. Все было. Но, как он сам признавался в стихотворении «К моей чернильнице»:

**Мой век разнообразный
Тобой украсил я.
Как часто друг веселья
С тобою забывал
Условный час похмелья
И праздничный бокал;
Под сенью хаты скромной,
В часы печали томной
Была ты предо мной
С лампадой и мечтой...**

Эти строки напоминают нам о сохранившемся до наших дней домике купца Наумова — первом пристанище поэта на благословенной молдавской земле, где ныне разместились Дом-музей поэта.

Сегодня, в день 192-й годовщины со дня рождения поэта, хочется вспомнить о его бессарабских днях рождения. Их было немного. Достоверно же, опираясь на источники, можно судить только о первом. Это был один из самых счастливых для поэта дней 1821 года. Незадолго до этого он вернулся из поездок в Каменку и Киев. Свалившаяся в Екатеринославе горячка отступила. Некогда обрубную голову украсили «густые телом-русские кудри». Как заметил в те дни его приятель В. П. Горчаков, «выражение лица получило более определенности и силы».

Да, поэт мужал. В те дни он стал невольным участником встречи и горячей дискуссии декабристов в Каменке, был вовлечен в события, связанные с греческой Эгирей. 4 мая принят в масоны и, по-видимому, стал мастером ложи «Овидий-25». В конце марта была завершена работа над поэмой «Кавказский пленник», была написана «Гавриилиада». Из-под его легкой руки выпорхнули послания «В. Л. Давыдову», «Чаадаеву». Вот уже задумана и поэма «Бахчисарайский фонтан».

Это было время зрелого творческого взлета. Мощным валом накатывалась на него и завидная по тем временам слава. Повсюду начинали распевать молдавскую «Черную шаль». Кюхельбекер читает о нем лекции в Париже. Он впервые увидел и свою поэму «Руслан и Людмила» в книге, изданной Н. И. Гнедичем. Сам государь сразу же по возвращении из Лайбаха читает эту поэму и тут же спрашивает своего брата Николая, каково его мнение о «повесе с большим талантом».

Событий вокруг так много и все так важно, что Пушкин начинает вести кишинев-

ский дневник. Правда, впоследствии, когда грянула гроза 1825 года, он вынужден был его почти полностью сжечь. И можно только гадать, какая жизнь, какие думы были преданы огню.

В самый канун дня рождения Пушкин побывал в Одессе, где попал в объятия своих лучших друзей — Павла Пестеля, Николая Алексеева, генерала Пушина. Именно они первыми поздравили его с 22-летием. Затем был праздничный стол у наместника, вечер у вице-губернатора Матвея Крупенкова. Можно только удивляться, как в тот же день поэт умудрился побывать в остроге и побеседовать там с разбойником Тарасом Кирилловым.

Пройдет ровно семь месяцев и 26 декабря, после интереснейшей поездки с полковником И. П. Липранди по югу Бессарабии, Пушкин напишет программное послание «К Овидию», которое станет ценить превыше всего из того, что им было написано, и в котором оставит нам в наследство свои лучшие строки об этом крае:

**С душой задумчивой, я
ныне посетил
Страну, где грустный век
ты некогда влечал.
Здесь, оживив тобой мечты
воображенья,
Я повторил твои, Овидий,
песнопенья
И их печальные картины
поверял;
Но взор обманутым
мечтаньям изменял.
Изгнание твое пленяло
втайне очи,
Привыкшие к снегам
угрюмой полуночи.
Здесь долго светится
небесная лазурь;
Здесь кратко царствует
жестокость зимних бурь...**

Строки именно из этого послания выбиты на гранитной колонне памятника, открытого в 1885 году на сборы жителей Кишинева и поныне возвышающегося в городском саду. Кое-кто усматривает в них неожиданное для себя разочарование. Режет слух слово «пустыня» в строке: «Здесь, лирой северной пустыни оглашая, скитался я в те дни...». Как, Бессарабия всего лишь для него пустыня?

Он так не думал, ибо любил этот край. Но это слово не случайно. Оно ассоциируется с такими понятиями, как — скиталец, отшельник, мученик. За ним для поэта — простор для создания мощного образа, отражающего состояние поэта, оказавшегося в столь отдаленной ссылке не по своей, а царской воле. А потом слово-то само по себе неоднозначно. Заглянем в словарь С. И. Ожегова. Да, пустыня тут, как «необитаемое пространство». А слово

«пустынный» — это и «тихий», «малолюдный». Но Пушкин жил не во времена Ожегова. Его лексика более полно и верно запечатлена в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. А тут слово «пустыня» трактуется и как «простор», «степи», а «пустынный», как относящийся к слову «пустыня», так и «отшельный», «одинокий».

Точность слова у поэта уже тогда потрясало. В этот период поэт-романтик вызревал в поэта-реалиста, трезво смотрящего на жизнь и драматизм человеческих судеб, в том числе и свою. К Бессарабии у него было неповторимое по своей теплоте чувство, которое он пронес через всю жизнь и которое ушло из него с последним вздохом... Незадолго до гибели Пушкин написал известное всем стихотворение «Осень». Многие знают его до слов «Куда ж нам плыть». А ведь тут была еще одна строфа. И вот в какой замечательный европейский ряд включил поэт Бессарабию:

**Ура!.. куда же плыть?..
какие берега
Теперь мы посетим: Кавказ
ли колоссальный,
Иль опаленные Молдавии
луга,
Иль скалы дикие
Шотландии печальной
Или Нормандии блестящие
снега,
Или Швейцарии ландшафт
пирамидальный...**

Свой второй день рождения Пушкин встречал на нашей земле, очевидно, в совершенно ином настроении. Доподлинно известно немного. Накануне он обедал у Инзова вместе с П.И. Долгоруковым — князем, членом попечительного комитета, оставившем об этом дне в своем дневнике запись о том, что поэт от разных анекдотов перешел к тогдашним политическим переворотам, сотрясающим Европу, и вдруг отпустил нам следующий силлогизм: «Прежде народы воевали один против другого, теперь король Неаполитанский воюет с народом, Прусский воюет с народом. Гитцанский тоже, нетрудно расчисть, чья стороны возьмет верх».

Возможно, что и в день своего 23-летия поэт обедал у Инзова. Возможно, у него были приятели — Алексеев, Вельтман и Горчаков. Последние два только-только возвратились в Кишинев из поездки. Можно предполагать, как в этот день было ему одиноко, тоскливо. И было же отчего! В январе случилась одна и самых страшных в его жизни дуэлей — с полковником Старовым. После

трудного перемирия сторон, готовых насмерть стоять за свою честь, в городе поползли слухи. Именно они оказались на языке Марии Балш, замужней дочери госпожи Богдан. Поэт был прилюдно осмеян, и поэтому попытался, как в таких случаях было принято, вызвать на дуэль ее мужа. Возможно, все кончилось бы объяснением и извинением. Но Балш вновь вмешалась, «ссылочным», — и разразилась ссора. Ее с трудом унял наместник. Пушкин был посажен на три дня под арест. Так что далеко не амурные дела, как полагают некоторые, а дело чести вывело поэта из равновесия. Тем временем в Кишинев нагрянул корпусной генерал Сабанев. Он отменил все демократические приказы М. Ф. Раевского, под поздравление попал К. А. Охотников. А это — лучшие друзья Пушкина. Он не только вмиг был лишен дружеского окружения, но и сам попал в тайные донесения. Это вызвало сильное потрясение. Его не в силах была смягчить и публикация во французском журнале, где подробно писалось о новой звезде на русском Парнасе и наумевшей поэме «Руслан и Людмила».

1823 год только усилил чувства тоски, грусти, одиночества... Доподлинно о том, как он встретил свой день рождения, мы не знаем. Да, в Петербурге Дидло поставил балет «Кавказский пленник», а государь тем временем отказал в отпуске в столицу. Да, друзья предпринимают отчаянные попытки вызвать его из заточения, перевести поближе к столицам, а тем временем в Кишиневе круг друзей пссак совсем, расстроены даже отношения с Инзовым. Наконец, под самый день рождения поэта Инзов получил рескрипт Александра I об отставке в должности наместника и передаче дел графу Воронцову. И опять же, можно только удивляться, как в таких условиях Пушкин продолжает оставаться верным самому себе, своей Музе. Именно в это время им закончена поэма «Бахчисарайский фонтан», издание которой принесет ему впервые три тысячи рублей. Денеж хватит, чтобы покрыть все долги и впервые зажечь самостоятельно. В эти дни начат главный в его жизни труд — роман века в стихах «Евгений Онегин». То был поистине подвиг, подвиг во имя бессмертия.

Рассказ о бессарабских днях рождения поэта будет неполным, если не сказать о том, что уже в 1824 году, на-

ходясь в Одессе, незадолго до своего дня рождения, Пушкин в последний раз, на две недели приезжает в Кишинев. Он встречается и окончательно примиряется с И. Н. Инзовым, посещает домик Алексеева, где прожил последние годы на бессарабской земле, забывается душой в сладострастных песнях Калипсо Полихрони. И навсегда отбывает из Кишинева. Он, но не его имя. Именно отсюда, из Кишинева, новый наместник области М. С. Воронцов настойчиво умоляет Петербург удалить Пушкина с юга. В самый канун дня рождения поэта князь достигает своего. Пушкин еще не знает о решении государя, но и ему все уже невтерпех. Второго июня он пишет на высочайшее имя прошение об отставке. А на скромном рабочем столе поэта лежали черновики третьей главы «Евгения Онегина», уже вызревала новая поэма «Цыганы».

...Вперед — славное 200-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Непросто двигаться к этому юбилею в наш разгоряченный, доведенный до отчаяния век. Но, уверен, нам всем хватит и мудрости, и мужества, и чести достойно пройти этот путь. Бессарабская тропа к поэту не зарастет. Несмотря и на то, что в городском саду нет-нет да и мелькает человек с плакатком «Afară cu Puşkin din Moldova!»

Думается, что подобным новоявленным ниспровергателям не мешало бы раскрыть изданную в 1990 году в городе Крайова книгу «Istorie interzisă» («Запрещенная история») на 89 странице и прочесть, как на подобное отношение к Пушкину в Кишиневе в известные времена отреагировал тогда еще генерал Ион Антонеску. Впрочем, вот эти строки в переводе:

«В один из дней, проходя через кафедральный парк, он видит основание без памятника, на нем — надпись имени поэта Пушкина. Спросил, где находится бюст поэта, ему ответили: — «Был снят по приказу бывшего командира корпуса армии». Возмущенный генерал Антонеску возразил: «Только на уровне мышления «моша Тьяк» можно так поступить. Вернуть бюст на свое место. У гения нет родины, у него только национальность, он принадлежит всему человечеству».

Трудно не согласиться с той мудрой репликой, которую в связи с этим опубликовал Дину Михаил в еженедельнике «Literatura și arta» (№ 18, 2 мая, 1991).

Верно, бессарабская тропа к поэту не зарастет никогда. В эти дни живые цветы вновь и вновь лягут к подножию его памятника в Кишиневском саду. То же самое, верю, произойдет в утопающей в тенистых кодрах Долне, в Тирасполе, в Бендерах, Белгород-Днестровске (бывшем Аккермане), в Измаиле — и всюду, где живет имя Пушкина, где бессмертна его мудрая, солнечная, неповторимая Поэзия.

В. КУШНИРЕНКО.

НА СНИМКАХ: пушкинские места в Молдове.